УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)
У71

Рецензенты:
академик *Б. В. Ананьич* (СПб ИИ РАН)
д. и. н., проф. *М. Ф. Флоринский* (СПбГУ)

Печатается по постановлению редакционно издательского совета Исторического факультета СПбГУ

У71 **Уроки истории — уроки историка**
Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / сост. Т. Н. Жуковская; отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб. : Нестор-История, 2012. — 456 с., ил.

ISBN 978-5-905986-88-8

В книгу включены исследовательские статьи по проблемам отечественной истории, таким как взаимоотношения власти и общества в XVIII–XX вв., государственное и местное управление, история университетов Российской империи, русско-украинские связи в историческом прошлом, вопросы историографии и источниковедения Новой истории России. Сборник подготовлен по итогам международной научной конференции Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, посвященной 80-летию профессора Ю. Д. Марголиса (1930–1996), и включает также мемориальные статьи об этом замечательном человеке и талантливом историке.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)

Издание подготовлено за счет средств конкурса Исторического факультета СПбГУ на издание научных трудов

ISBN 978-5-905986-88-8

© Коллектив авторов, 2012
© Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012
© Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета, 2012

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Крымская А. С. Американцы–стажеры на историческом факультете ЛГУ в конце 1950-х — 1960-е годы 362

Проблемы историографии и источниковедения новой истории России

Кулакова Е. А. Сочинение о путешествии четы Лондондерри в Россию в 1836–1837 гг.: вопросу о распространении иностранных книг в николаевскую эпоху 373

Васильева Е. Б. Консервативная периодика второй половины XIX — начала XX века о движени декабристов (по материалам журнала «Русский вестник» 1856–1904 годов) 380

Ведерников В. В. К. П. Победоносцев — публицист «Гражданина» (историография вопроса) 388

Жуков В. Ю. Насмешка как метод дискредитации власти (опыт контент-анализа политической сатиры 1905–1907 годов) 395

Тихонов И. Л. Археологические коллекции в художественных музеях Санкт-Петербурга в XIX — начале XX века 404

Маркасова Е. В. Из истории описания советизмов: лексикография и идеология 416

Веденяпина Н. И. Историки Ленинграда и справочное обслуживание в ГПБ в 1920–1930-е годы 421

Маловичко С. И. Историография XIX века: трансформация источниковой базы и методов ее изучения в современной науке 427

Сведения об авторах 435

Summary 439

Список принятых сокращений 449

Содержание 451

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

[4] Определение совокупной площади любой из тем производилось так: площадь каждого сообщения делилась на число содержащихся в этом сообщении тем, а выявленные таким образом площади, отведенные в разных журналах данной теме, суммировались.

[5] В пяти анализируемых журналах помещены объявления об издании 24 газет и журналов («Мир Божий», «Факелы», «Речь», «Правда», «Печатное Дело» и др.), в том числе четырех сатирических («Альманах», «Адская Почта», «Бомбы» и «Балда»).

[6] Эта цифра превышает общее число проанализированных сообщений (194), так как в некоторых из них применены одновременно несколько подходов к изображению персонажа.

[7] *Прессонимика* (от фр. *presse*: пресса, печать + гр. *onyma*: имя, название) — совокупность названий любого массива периодических или продолжающихся изданий, объединенных по региональному, лингвистическому или тематическому (отраслевая журналистика) признакам. Термин предложен нами по аналогии с «топонимикой».

[8] *Дмитриев В. Г.* Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов). 2-е изд., доп. М., 1977. С. 276–279 (Словарь терминов).

[9] Названия остальных 55 журналов Сводного каталога не выделены нами в специальные группы, так как они не отражают направление журналов.

[10] Русская сатира первой революции 1905–1906 / Сост. В. Боцяновский и Э. Голлербах; предисл. В. А. Десницкого. Л., 1925. С. 210, 215.

[11] Практическое применение этой методики требует следующих пояснений: 1) не учитывались случаи появления текстуально идентичных подзаголовков в нескольких номерах одного и того же журнала; 2) в 23 случаях не учитывались также подзаголовки (или их части), если в их состав не вошли выделенные *ключевые слова*; 3) под *ключевым словом* понимался его *корень*, содержащий *главный смысл* слова. Особенности грамматического перехода *существительное – прилагательное* (например, *сатира — сатирический*) во внимание не принимались.

[12] По работе В. И. Ленина «О статистике стачек в России» (Полн. собр. соч. Т. 19. С. 377–406).

[13] *Жуков В. Ю.* Сатирическая журналистика периода Первой российской революции как исторический источник (на материалах Петербурга): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1991. С. 17.

[14] Там же. С. 16.

И. Л. Тихонов

Археологические коллекции в художественных музеях Санкт-Петербурга в XIX — начале XX века

В 1993 г. Юрий Давидович Марголис любезно согласился выступить официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, посвященной развитию археологии в Санкт-Петербургском университете с XVIII в. до первой трети XX в. Настоящая статья является продолжением изучения этой темы и данью памяти замечательному ученому и человеку, профессору Ю. Д. Марголису.

В процессе становления и развития археологии как особой научной дисциплины важную роль играли музеи, постепенно накапливавшие фонд археологических коллекций, в дальнейшем ставший источниковедческой основой для многих исследований. Самым крупным археологическим собранием из петербургских музеев к началу XX в. обладал Императорский Эрмитаж, имевший в своем составе специальное отделение древностей. Истории формирования этого собрания посвящен целый ряд публикаций[1], тем не менее эта тема еще ждет своего монографического освещения. Значительные коллекции по археологии имелись в двух этнографических музеях — Этнографическом отделе Русского музея Императора Александра III и особенно в Музее Антропологии и этнографии Ака-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

демии наук[2]. В результате активной полевой деятельности генерала Н. Е. Бранденбурга интересные и большие коллекции скопились в Артиллерийском музее[3]. Собственные собрания имелись в Русском Археологическом обществе[4], Санкт-Петербургском Археологическом институте и Санкт-Петербургском университете[5]. Все эти археологические коллекции достаточно хорошо известны специалистам, о чем, в частности, свидетельствует приведенная здесь обширная библиография. Между тем небольшие, но интересные собрания «древностей» в разные годы формировались и в других петербургских музеях художественного профиля. Это прежде всего Музей Императорской Академии художеств, Музей Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица и Музей Императорского Общества поощрения художеств.

Музей Императорской Академии Художеств

Начало собранию «антиков» в Академии художеств было положено в 1758 г., когда куратор Академии И. И. Шувалов преподнес ей художественную коллекцию, включающую в себя античные барельефы. Позднее императрица Екатерина II поручила И. И. Шувалову купить за границей на ее счет античные статуи и слепки с них. В 1769 г. поступили 58 копий знаменитых античных статуй, приобретенных Шуваловым. А в середине 1760-х гг. новый президент Академии И. И. Бецкой подарил «конную статую консула римского» и «антик-статую мраморную, представляющую здравие»[6]. В 1766 г. Бецким была подарена статуя богини Гигейи[7]. В 1774 г. адмирал Г. А. Спиридов преподнес в дар Академии коллекцию греко-римской скульптуры, собранную на островах греческого архипелага во время русско-турецкой войны. По большей части это были сильно поврежденные статуи, их фрагменты и рельефы. Еще одну группу образцов древней пластики составляли памятники, поступившие в Академию в 1784 г. также по повелению Екатерины II: это были преимущественно рельефы и мраморные маски[8]. В самом начале XIX в. в составе коллекции Антонио Фарсетти опять поступают слепки с античной скульптуры. В 1818 г. были приобретены слепки с фриза и статуй Парфенона, а 1843 г. — 64 гипсовых слепка с античных вещей Неаполитанского музея[9]. С помощью собрания академических слепков были отлиты бронзовые группы, скульптуры и бюсты для парков и дворцов в Петергофе, Павловске, Царском селе.

В последней четверти XVIII — начале XIX столетий, в эпоху господства классицизма в европейской и отечественной культуре, копиями античных статуй и архитектурных элементов украшают строящиеся в Санкт-Петербурге и его окрестностях дворцы, общественные и частные здания, интерьеры и даже хозяйственные постройки. Соответственно, «антики» в это время становятся элементами живой культуры, а уж копирование их учащимися Академии является важнейшей часть художественной подготовки. Для совершенствования в искусствах Академия чаще всего посылает своих выпускников в Италию, где посещение раскопок Помпей и Геркуланума, как и других археологических раскопок, является часть обязательной программы для них. Результатом такого посещения стала знаменитая картина К. Брюллова «Последний день Помпеи». В одном из писем Брюллова сохранился рассказ об этой поездке: «Нам открылась откопанная частью сего несчастного города. Мы взошли, у входа сидели сторожа-проводники; один из них предложил нам свои услуги и сказал, что это место был малый форум, или место, где собирался народ для торга и других публичных дел ‹...› Вид сих развалин невольно заставил меня перенестись в то время, когда эти стены были еще обитаемы, когда этот форум, на котором мы стояли одни, и где тишина была только прерываема какой-нибудь ящерицей, был наполнен народом...

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Нельзя пройти сии развалины, не почувствовав в себе совершенно нового чувства, заставляющего все забыть, кроме ужасного происшествия с сим городом»[10]. Брюллов, одним из первым среди русских художников, поставил себе целью воссоздать в картине реальное, а не мифологическое событие прошлого, опираясь на изучение исторических источников и археологических данных. Стремясь к наибольшей достоверности изображения, Брюллов тщательно изучил материалы раскопок и исторические свидетельства Плиния Младшего. Архитектурные сооружения на картине восстановлены им по остаткам сохранившихся в Помпеях зданий, предметы домашнего обихода и женские украшения были скопированы с экспонатов, находящихся в Неаполитанском музее. Еще в 1828 г. художник подчеркивал, что скелеты «найдены были в таком положении», а изображенные им вещи «все взяты мною из музея» и что он следует «нынешним антикварням». На картине изображено реальное место в Помпеях — Дорога Гробниц и перекресток возле усыпальниц некоего Скавра и сына жрицы богини Цереры, где действительно были найдены ожерелья, кольца, серьги, браслеты, изображенные Брюлловым, а также обугленные остатки колесницы.

Изображения руин античных построек со скульптурой и элементами декора стали излюбленной темой архитектурных пейзажей, создаваемых русскими художниками в Италии и других странах. Историческая тематика занимала одно из первых мест в творчестве выпускников Академии художеств.

В 1870 г. был опубликован каталог древней скульптуры собрания Академии художеств[11]. Большинство оригиналов относились к позднеримской эпохе и до 1830-х гг. их было всего тридцать девять. Среди них были мраморная статуя Гигейи, найденная в 1729 г. на Палатине в Риме; керамические рельефы из Геркуланума, а в 1831 г. к ним добавились 20 подлинных античных произведений, переданных по распоряжению Николая I. Это были небольшая скульптура спящего Силена, головы Деметры и льва, две капители, четыре «мрамора с греческой надписью» и тринадцать надгробных барельефов с болгарского берега Черного моря и из Румелии (европейской части Турции), собранные в 1829–1830 гг. библиотекарем Николая I С. Сейджером и художником А. О. Дезарно[12].

По сведениям В. Г. Лисовского, во второй половине XIX в. в музей поступили «коллекции южнорусских древностей», собранные киевским коллекционером Т. В. Кибальчичем. Они составили интереснейшую экспозицию, развернутую в нескольких помещениях, расположенных в первом этаже здания Академии художеств вдоль 3-й линии Васильевского острова. Впоследствии эти коллекции были переданы в Русский музей и положили начало его отделу, посвященному истории народного искусства[13].

В музее Академии художеств хранилось и значительное число русских, греческих, римских, византийских, западноевропейских и других медалей и монет. Коллекция римских и византийских медалей и монет была вывезена из Варшавы в 1832 г. и, по Высочайшему повелению, передана в 1834 г. в Академию, пополнившую этим значительным вкладом свой небольшой до того времени минц-кабинет, составленный из разных случайных поступлений. В 1870-е гг. принадлежащие Академии нумизматические коллекции были приведены в надлежащий порядок хранителем кабинета Д. Прозоровским, составившим подробный каталог. К этому времени в собрании было 98 греческих монет и почти полторы тысячи римских[14]. Интересной частью академического собрания были 32 архитектурные модели известных построек античности, сделанные из пробки итальянским архитектором А. Кики, по заказу Екатерины II. Они предназначались для обучения внуков императрицы Александра и Константина.

В 1817 г. президентом Академии художеств был назначен Алексей Николаевич Оленин (1763–1843). Археология занимала немалое место в кругу интересов

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

и деятельности этого крупного вельможи, государственного деятеля, художника и мецената. Г. С. Лебедев в своей периодизации истории отечественной археологии назвал именем Оленина целый период с 1826 по 1846 гг.[15] Увлечение Оленина древностью началось еще в молодые годы, когда он в течение пят лет обучался в Дрездене «воинским и словесным наукам». На формирование его художественных вкусов и исторических интересов огромное влияние оказали труды основоположника научного изучения античного искусства, уроженца Саксонии И.-И. Винкельмана, и других титанов немецкого Просвещения XVIII в.: Г.-Э. Лессинга и И. Г. Гердера. Винкельман, позднее писал Оленин, — это «необыкновенный гений, открывший верный путь к постижению и знанию древностей и который должен служить примером для всех желающих посвятить себя этому благородному и обширному поприщу»[16]. В то же время его отношение не было слепым поклонением отцу искусствоведения и античной археологии, и Оленин не раз критиковал некоторые взгляды Винкельмана, указывая на его ошибки как археолога. Восхищаясь Рафаэлем, Оленин также отмечал грубые промахи художника в изображении материальной культуры древности, так на одном из его полотен Аполлон был изображен со скрипкой. Другой крупнейший старый мастер и большой знаток истории, основоположник французского классицизма Н. Пуссен, по мнению Оленина, неправильно изобразил расположение застольных мест в «Тайной вечере».

А. Н. Оленин сам хорошо рисовал. В 1795 г. Г. Р. Державин поднес императрице Екатерине II собрание своих стихотворений в рукописи, украшенное 92 виньетками, выполненными Олениным тушью и акварелью; мотивы их были умело заимствованы молодым художником из классической мифологии и древностей.

Его первый печатный труд по археологии появился в 1806 г., это было «Письмо к гр. А. И. Мусину-Пушкину о камне Тьмутораканском». Разобрав надпись на камне и сделав ее критическую оценку, Оленин пришел к выводу о ее подлинности. Исследование о Тмутараканском камне отличалось такой основательностью, что с ним справедливо связывают начало древнерусской эпиграфики и палеографии. По его же инициативе в 1809 г. члены его кружка К. М. Бороздин и А. И. Ермолаев отправились в путешествие по России «для открытия и описания древних достопамятностей».

В 1808 г. А. Н. Оленин стал товарищем директора императорских библиотек, а с 1811 г. возглавил Императорскую Публичную библиотеку, в которой помимо печатных изданий и рукописей имелись и коллекции древностей, во всяком случае, во время эвакуации библиотеки в 1812 г. на корабль были погружены 7 ящиков с античными вазами. Пожертвовав 400 монет, А. Н. Оленин положил начало и нумизматической коллекции библиотеки, которая к 1827 г. превысила девять тысяч единиц хранения и по приказанию императора была передана в Эрмитаж[17]. В библиотеке имелись 42 вазы из коллекции генерала Н. Ф. Хитрово, 84 «чудских» предмета, новгородские серебряные гривны. Туда же поступили находки из раскопок Я. Л. Парокья 1817–1818 гг. в окрестностях Фанагорийской крепости и раскопок курганов на р. Синюхе, которые были преподнесены поручиком Адабашем Александру I. В 1831 г. фанагорийские древности, а в 1851–1852 гг. и остальные археологические, художественные и этнографические коллекции Публичной библиотеки, как непрофильные, по распоряжению Николая I были переданы в Эрмитаж и другие собрания[18].

А. Н. Оленин не только стремился собирать древности в библиотеке. В характере комплектования ее основных фондов явно отразились научные интересы директора, поскольку в большом количестве приобреталась литература по истории, археологии, палеографии, нумизматике, классической филологии и изобразительному искусству, особенно по классическим древностям.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Требуя от художников соблюдения исторической точности в своих произведениях, А. Н. Оленин разработал «Программу систематического разделения курса истории, археологии и этнографии для питомцев императорской Академии художеств». Этот учебный курс включал в себя изучение памятников политической, военной, бытовой истории и давал краткие сведения об обычаях отдельных народов. Он охватывал нескольких хронологических периодов, включая «первобытный», и тематических разделов. Преподавание основ этих археологических и этнографических знаний должно было быть основано на изучении памятников древнего искусства и «верных сведениях» ученых, «ибо ничто не может быть столь неприятно для образованного любителя художеств, как видеть в превосходно механически исполненной картине нелепое и невежественное смешение обычаев, обрядов, одеяний, оружия, архитектуры и скарба, совершенно несвойственных народу и времени, к которому изображенное живописцем или ваятелем произведение принадлежит»[19]. Таким образом, видно, что курсу археологии в программе обучения воспитанников Академии художеств, А. Н. Оленин отводил сугубо утилитарное, практическое значение «ликбеза» для будущих мастеров кисти и резца. Для реализации этих задач он энергично взялся за создание рюсткамеры — «оружейной или костюмной палаты», где собирались различные коллекции оружия, исторической одежды, предметы быта. Передал в дар Академии ее президент и свое личное собрание оружия. Помимо подлинников, по рисункам Оленина изготавливались образцы вооружения греческих и римских воинов. В 1832 г. А. Н. Оленин опубликовал работу «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времен Траяна и русских до нашествия татар», которая имела подзаголовок «Опыт к составлению полного курса истории, археологии и этнографии для питомцев Санкт-Петербургской императорской Академии художеств», позволяющий судить о том, что он рассматривал этот труд в качестве учебного пособия. Современные исследователи считают эту работу началом изучения отечественного костюма[20]. Еще ранее Оленин изучал вооружение римских гладиаторов[21], доспехи древнегреческих воинов и древнерусский шлем, найденный в 1808 г. крестьянами с. Лыкова Владимирской губернии. Он сумел полностью реконструировать находку и атрибутировать ее, как шлем князя Ярослава Всеволодовича, бросившего свои тяжелые доспехи во время бегства с места Липицкой битвы 1216 г. Он же стал первым исследователем клада древнерусских украшений, найденных на городище Старая Рязань. Эта работа вышла в свет в 1831 г. под названием «Рязанские русские древности, или известие о старинных и богатых велико-княжеских или царских убранствах, найденных в 1822 году близ села Старая Рязань». В ней автор не только дал подробное описание находок, но и привел исторический очерк о городе, полностью разрушенном татаро-монголами. По сути, эти публикации А. Н. Оленина положили начало изучению памятников древнерусской археологии. По инициативе президента Академии художеств в 1830 г. художник Ф. Г. Солнев был отправлен в многолетнею экспедицию по старинным русским городам с целью сбора и зарисовок памятников древности. По результатам этих работ Олениным было задумано грандиозное издание «Древности Российского государства», осуществленное уже после его смерти. Наконец А. Н. Оленину первому пришла в голову мысль о создании общегосударственного органа, который бы ведал всеми раскопками, систематизацией и описанием памятников, вырабатывал инструкции «для правильных поисков», сосредотачивал бы все финансовые средства, отпускаемые на раскопки. Этот проект был воплощен в жизнь только в 1859 г. через шестнадцать лет после смерти Оленина.

Важно отметить, что многие археологические штудии президента Академии художеств получали живое воплощение в современном ему искусстве. Так, ху-

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дожник Орест Кипренский изобразил в картине «Дмитрий Донской на Куликовом поле» шлем князя Темкина-Ростовского, изученный Олениным. При его консультационном участии были выполнены статуи воинов, украшающие павильоны Аничкова дворца на Невском проспекте, Белую башню в Царском Селе, Нарвские триумфальные ворота, фигура Александра Невского на северном портике Казанского собора, некоторые интерьеры Зимнего дворца. Причем в процессе разработки проекта и сооружения Нарвских ворот по предложению Оленина античные воины, которые первоначально должны были их украшать, превратились в русских витязей[22]. Эскизы костюмов и вооружения для нескольких театральных постановок на сюжеты из древнерусской и античной истории были также выполнены А. Н. Олениным.

Еще одна крупная его работа, занявшая много лет, — археологический комментарий к переводу «Илиады» Н. И. Гнедича, осталась не законченной. Оленин опубликовал из нее на французском языке только исследование о древнегреческих шлемах, позднее фрагменты ее были опубликованы Д. Поленовым и И. В. Помяловским[23]. Обращение к памятникам то античного, то древнерусского искусства и истории было совершенно естественно для А. Н. Оленина, который считал русскую культуру органически связанной через Византию с греческой. Без сомнения, он был адептом «греческого проекта» Екатерины II и Г. А. Потемкина. Опять же не следует забывать, что эпоха Оленина — это время господства классицизма в русской культуре, когда многие сюжеты и персонажи отечественной истории еще подгонялись под античные каноны и рядились в античные одежды.

Проявил интерес А. Н. Оленин и к древнеегипетской культуре, отдав дань общеевропейской моде, начавшейся в первой четверти XIX в. В отличие от некоторых профессиональных ориенталистов, например П. А. Гульянова и О. И. Сенковского, высмеявших гениальное открытие, он сразу же оценил способы дешифровки египетских иероглифов, предложенные Ф. Шампольоном, и вступил с ним в переписку[24]. При участии Оленина были сооружены Египетские ворота при въезде в Царское Село. Деятельное участие принял президент Академии художеств и в установке на набережной перед фасадом Академии сфинксов, привезенных из Египта. Правда, сочиненная им надпись на пьедестале о «сих огромных сфинксах» показалась неудачной и вызвала немало шуток и издевок.

Таким образом, А. Н. Оленин играл очень заметную роль в культурной и научной жизни Петербурга первой половины XIX в. Э. Д. Фролов в фундаментальной монографии об истории антиковедения в России справедливо писал: «Трудно переоценить вклад А. Н. Оленина в развитие классицизма в России... Вместе с тем велико значение его ученой, просветительской и общественной деятельности, проникнутой духом классицизма, для развития собственно русской культуры, включая и такой важный ее элемент, как изучение русской национальной истории. Ведь именно привитием классицизма были сообщены русской культуре те высокие пафосные и эстетические элементы, которые навсегда обеспечили первой трети XIX века в жизни российского общества ни с чем не сравнимое качество высшей нормы. С другой стороны, велико было значение развившейся в русле неоклассицизма антиковедной науки для формирования отечественной науки истории. Ибо нельзя отрицать того, что классические штудии — история, филология и археология греко-римского мира — стали нормой и образцом для становления науки об отечественных древностях»[25].

В то же время А. Н. Оленин оставался сугубо кабинетным ученым, никаких сведений о его хотя бы присутствии на раскопках не имеется. Он не сумел ни понять, ни оценить по заслугам подвижническую деятельность П. Дюбрюкса по изучению памятников Керченского полуострова. Опережающий свое время труд

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Дебрюкса показался столичному ученому по-дилетантски небрежным, бессистемным и не заслуживающим серьезного внимания. Приложенные к нему плану и чертежи были оценены президентом Академии как «во всех отношениях недостаточные»[26]. Сам же Оленин, не без некоторого кокетства, именовал себя любителем, а А. А. Формозов отнес его к «дворянам-дилетантам», как, впрочем, и всех председателей Императорской Археологической комиссии и Московского Археологического общества[27]. С такой оценкой крупнейшего историографа археологии трудно согласиться. Дело, видимо, в том, что А. А. Формозов автоматически относил к дилетантам всех, кто не зарабатывал себе на жизнь наукой и занимался еще чем-нибудь. Труды же А. Н. Оленина и тем более А. С. Уварова были выполнены на уровне науки своего времени и дилетантскими не являлись.

Последующие президенты Академии художеств уже не проявляли такого интереса к археологии, как А. Н. Оленин. Соответственно, не велось и пополнение фондов ее музея археологическими находками. Научные контакты Академии художеств и Императорской Археологической комиссии в конце XIX — начале XX вв. осуществлялись, в основном, в области охраны и изучения памятников архитектуры и древней живописи. Так, согласно пункту Высочайшего повеления 1889 г., следовало «реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорскою Археологическою комиссией и по сношению ея с Императорскою Академией художеств»[28]. После открытия Императорского Эрмитажа в 1852 г. как публичного музея туда переводятся про распоряжению Николая I многие античные памятники из петербургских и пригородных дворцов. Из Академии художеств в Эрмитаж было передано 11 надгробных рельефов в 1869 г., еще 12 рельефов в 1872 г., в послереволюционные годы оригиналы античных произведений искусства, еще остававшиеся в Академии, также были переданы в Отдел древностей Эрмитажа[29].

Музей Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица

Инициатива создания училища и музея принадлежала сенатору А. А. Половцову, одному из основателей Русского исторического общества, возглавившего его с 1878 г. и была реализована на средства его тестя — крупного российского финансиста и промышленника барона А. Л. Штиглица. Днем основания музея при училище принято считать 15 мая 1878 г., когда на одном из первых заседаний Совета училища был впервые поставлен вопрос о необходимости создания художественной коллекции.

Начало музейному собранию было положено летом 1879 г. во время длительного заграничного путешествия, которое предпринял А. А. Половцов вместе с князем А. Б. Лобановым-Ростовским, известным русским дипломатом и коллекционером (они побывали в Турции, в Греции, Италии и Германии). Результатом этой поездки стало приобретение музейных экспонатов и учебных пособий, а также знакомство с такими людьми, как знаменитый археолог Генрих Шлиман и директор Южно-Кенсингтонского музея в Лондоне Ф. Канлифф-Оуэн. Знакомство А. А. Половцова со Шлиманом произошло 24 мая 1879 г. на корабле, на котором Половцов плыл в Афины. Шлиман в сопровождении своего помощника, археолога Э. Бюрнуфа, возвращался с раскопок на холме Гиссарлык и сел на афинский корабль во время его остановки у Дарданелл. Далее их общение продолжилось в Афинах. Половцов упоминал в своем дневнике «об умных и приятных днях», проведенных в обществе археолога. Их последующая переписка длилась почти шесть лет, Половцев постоянно проявлял большой интерес к работам Шлимана, а тот регулярно присылал ему свои книги и отчеты о раскопках[30].

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Неудивительно, что Шлиман решил подарить Половцову небольшую коллекцию из своих находок. В сентябре 1880 г. в музей поступает первая часть так называемой «Троянской коллекции», присланной Шлиманом через своего сына Сергея[31]. По мнению российского биографа Шлимана И. А. Богданова, этот щедрый дар был вызван еще и стремлением расчетливого коммерсанта и археолога заручиться поддержкой сенатора А. А. Половцова как влиятельного лица в России, который мог оказать протекцию его русскому сыну[32]. Кроме того, уже с середины 1870-х гг. Шлиман не раз высказывал намерение передать России всю троянскую коллекцию за сумму вдвое меньшую первоначальной цены. Об этом он писал коллекционеру и археологу барону Н. К. Богушевскому в 1875 г. и повторял в 1876 г. в письме к русскому банкиру барону Гинцбургу: «После того, как я двадцать лет своей жизни провел в Петербурге, все мои симпатии принадлежат России, и поскольку я искренне желаю, чтобы мое собрание попало туда, я прошу от русского правительства только 50 000 франков и был бы даже согласен спустить цену до 40 000... Во всяком случае, я обещаю Вам, что для России я оставляю преимущество перед всеми прочими странами, ибо там я добыл мое состояние, а кроме того, я хотел бы провести раскопки в глубине России...»[33]. Спустя три года, в 1878 г. Шлиман вновь обращался к Богушевскому: «Я пожелал бы, чтоб троянские мои древности поступили в Эрмитаж, потому что я капитал свой приобрел в России и надеюсь, что древности мои могут быть причиной возвращения моего в Россию...»[34].

Еще одной из причин настойчивого стремления Г. Шлимана заручится поддержкой влиятельных в России лиц было его желание начать раскопки на Черноморском побережье Кавказа в полумифической Колхиде с целью поисков следов пребывания там аргонавтов и золотого руна. В 1883 г. он через И. В. Помяловского обращался с такой просьбой в Императорскую Археологическую комиссию. Не дожидаясь, пока решится этот вопрос, но все-таки надеясь на благоприятный для себя результат, Шлиман в начале 1883 г. вновь присылает в Петербург на имя А. А. Половцова пять ящиков с троянскими древностями. В своем дневнике А. А. Половцов записал, что «вещи оказываются гораздо многочисленнее и разнообразнее», чем он ожидал. А в мае 1884 г. поступили еще и копии фресок из Орхомена, сделанные из стюка[35].

В инвентарь музея вся коллекция была внесена после 1886 г. под номерами 7417–7597, то есть 181 предмет. В инвентарной описи кое-где рядом с описанием предмета имелся маленький рисунок пером, служащий, очевидно, для уточнения внешнего вида. Порою приводились стратиграфические сведения, уточняющие глубину, на которой был найден тот или иной предмет: «№ 7436. Чаша с ручками из красной глазурованной глины с глубины 4–6 м. № 7437. Стакан цилиндрический с глубины 5 м». Такими же сведениями сопровождались каменные орудия: «№ 7464–7470. Семь клиночков ножей из черного кремня. На глубине 10 м на месте Трои. № 7471–7472. Два наконечника пик из черного камня. На глубине 9–10 м». Глиняные пряслица обозначены следующим образом: «№ 7481–7491. Одиннадцать кубарей глиняных. Их находят до девственной почвы от 3 м»[36]. В коллекции было много маленьких сосудиков типа пиксид, амфорисков, арибаллов, ойнохой, киликов; светильников, фигурок животных птиц и людей.

Г. Е. Прохоренко справедливо указала, что первое упоминание в делопроизводстве музея об этой коллекции относилось лишь к 29 ноября 1886 г.[37], что дало основание О. Я. Неверову полагать, что предметы троянской коллекции поступили в музей только в это время. По его же мнению, часть вещей, входивших в эту коллекцию, происходят не из раскопок на холме Гиссарлык, а могли быть найдены в Коринфе, Аттике, Беотии, отдельные предметы происходят из Причерноморья и даже из Египта[38].

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

В 1899 г. хранитель музея А. А. Карбоньер издал «Каталог предметов глиняного, фаянсового и майоликового производства», в котором в разделе «Глиняное производство в древнем мире» опубликовал часть коллекции Шлимана. Помимо этих материалов в музее имелись иероглифические надписи и ушебти из Египта, статуэтки и сосуды из раскопок в Керчи, этрусские и римские лампы, пальметки, маски, чаши. Ранее, в 1893 г., он же опубликовал каталог стеклянных изделий музея, куда также вошли археологические находки, в основном, бусы и фрагменты стеклянных сосудов, найденные в Египте и Северном Причерноморье[39].

Античные, византийские и средневековые вещи были и в составе крупной коллекции А. В. Звенигородского, купленной в Париже у антиквара Левенгардта за 130 тыс. руб. и состоявшей из 662 предметов. Она поступила в музей весной 1885 г.[40] А в июле 1887 г. за 2 тысячи марок музей приобрел 31 воспроизведение вещей Гильдесгеймского клада, найденного в Пруссии и состоящего из 69 серебряных предметов, датируемых I в. до н.э — I в. н.э. Изготовление этих гальванокопий было выполнено парижской фирмой «Кристоффель и К°».[41] В 1880-е гг. в Керчи у местных торговцев древностями Букселя и Константинова была приобретена большая коллекция греческих ювелирных изделий, состоящая из 74 предметов[42].

С 1893 г. музей училища Штиглица стал получать некоторые археологические находки из Императорской Археологической комиссии, председатель которой граф А. А. Бобринский был зятем А. А. Половцова и членом Совета училища. Так, в апреле 1893 г. комиссия предложила музею часть дара египетского правительства, состоящего из 23 саркофагов с мумиями, найденными в окрестностях Фив. Эти древности были поделены между несколькими российскими университетами, Обществом поощрения художеств и училищем Штиглица. Таким образом, в музей попала крышка саркофага и девять статуэток ушебти, которые явились ценным вкладом в собрание египетских древностей.

В 1898 г. училище покупает за небольшую сумму два старинных головных убора и серебряные серьги, происходившие из Онежской губернии, которые были предложены ему Археологической комиссией. В 1899 г. Комиссия присылает в музей 13 черепков глиняной посуды с разноцветным орнаментом и узором, найденных при раскопках в Херсонесе, а в 1901 г. — 20 стеклянных сосудов из Керчи и Ольвии. В 1903 г. музей училища получил от Археологической комиссии 6 различных терракотовых сосудов, несколько позднее — фрагмент сосуда и две пары золотых серег, найденных Б. В. Фармаковским в Херсонской губернии. Подобные же предметы передавались в музей и в 1904, 1905, 1906 и 1909 гг. В конце 1915 г. у графа А. А. Бобринского за 18 тыс. руб. была приобретена коллекция бронзовых изделий с перегородчатой эмалью (пластинки, бляшки, розетки, застежки, фибулы), происходящих с Кавказа и датируемых XI в. В 1917 г. у новгородского антиквара Квашенкина за 2000 руб. музей купил коллекцию бытовых средневековых предметов (крестики, иконки, книжные застежки, кольца), найденных при археологических раскопках в Новгороде[43].

Имелась в музее училища и коллекция египетских древностей, происходящая из знаменитого собрания Сабурова, перешедшего затем частью к Н. М. Половцовой, которая и пожертвовала в ее музей. Среди ее вещей, насчитывающих 171 инвентарный номер, были бронзовые и деревянные статуэтки божеств и животных, глиняные и деревянные ушебти, сосуды из алебастра, части саркофагов[44].

В экспозиции музея, разместившегося в специальном здании, построенном по проекту архитектора М. Е. Месмахера к 1881 г., существовал отдельный зал, со сводами, украшенными росписями в греко-римском стиле. В этом зале и были выставлены античные вещи, которые в совокупности с интерьером, должны

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

были создавать представление о художественном вкусе той эпохи, в соответствии со стилистикой историзма второй половины XIX в.[45] В послереволюционное время, несмотря на создание на базе музея училища 1-го филиала Государственного Эрмитажа, просуществовавшего до начала 1930-х гг., «жемчужина» археологического собрания музея А. Л. Штиглица — коллекция Шлимана по акту от 12 августа 1924 г. была передана в Государственный Эрмитаж. Однако в 1951 г., после возрождения Художественно-промышленного училища, 49 предметов были возвращены в музей училища (ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица) и находятся там поныне.

Музей Общества поощрения художеств

Очень схожими с собраниями музея училища Штиглица по своей структуре и задачам художественно-промышленного образования были коллекции музея Императорского Общества поощрения художеств. Этот музей возник в 1870 г. по инициативе известного русского писателя Д. В. Григоровича и председателя общества великой княгини Марии Николаевны. Первоначально коллекции находились в Мариинском дворце, а в 1877 г. Обществу поощрения художеств было передано здание на Большой Морской, 38, где и разместился музей. Основу его собраний составили щедрые дары императора Александра II, Марии Николаевны, многих русских аристократов[46]. Собранный материал распределялся по художественно-технологическому принципу: гончарное дело, литейное дело, ткачество и т. д. Уже в 1870 г. в музее имелись изразцы и «небольшие сосуды из обожженной глины, весьма древнего происхождения, найденные при раскопках в садах и окрестностях Ходжента», найденный во время раскопок в Новгороде «сосуд, отлитый из олова, с человеческими изображениями и орнаментами, отлитыми также из олова и потом припаянными»[47].

В дальнейшем граф С. Г. Строганов пожертвовал музею собрание, состоящее из 34 древнегреческих сосудов, двух танагрских статуэток, образцов керамики разных эпох и регионов, среди, которых был, например, «горшок глиняный; по туловищу пояс с гравированным разводом, выдавленным от руки в сырой массе, доисторического периода, найденный в Ютландии. Еще 21 сосуд и 4 светильника из керченских раскопок были пожертвованы А. В. Звенигородским. В целом коллекция античной керамики и древних глиняных изделий, имеющихся в музее, к 1904 г. насчитывала 168 номеров. В разделе экспозиции, посвященной стеклянному производству, были целые и фрагментированные образцы римских стеклянных сосудов, значительную часть которых пожертвовал М. П. Боткин. Раздел металлического производства содержал «блюдо серебряное, изображающее кормление змей при орфических таинствах греко-римской работы приблизительно II ст. по Р. Х.», подаренное графом Г. С. Строгановым, бронзовую лампаду того же времени и «собрание ручек древнего римского и греческого производства из отливной бронзы», подаренное М. П. Боткиным.[48] С конца 1890-х гг. Музей Общества поощрения художеств возглавлял академик живописи, известный коллекционер и художественный деятель М. П. Боткин, который, по свидетельству современников, чистоплотностью в делах не отличался и мог путать личные коллекции с музейными. Так, в воспоминаниях П. П. Вейнера описывается история с сасанидским серебряным блюдом, подлинник которого обнаружился в музее Общества поощрения художеств, а гальванокопия в Эрмитаже, хотя должно было быть наоборот[49].

В 1920-е гг. экспозиция музея была переделана, в соответствии с идеями всеобщей индустриализации страны, в выставку производства и ремесленной

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

техники. Музей Общества поощрения художеств существовал до 1929 г., когда он был соединен с бывшим музеем Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица, ставшим филиалом Эрмитажа, а в дальнейшем его собрания также пополнили фонды Государственного Эрмитажа.

Археологические коллекции этих трех петербургских музеев сыграли важную роль в воспитании художественного вкуса у будущих художников и дизайнеров, в пропаганде археологии и знакомстве широких кругов публики с археологическими находками. В конечном итоге все коллекции археологических материалов были аккумулированы в Эрмитаже, где стали предметом научного изучения.

[1] Эрмитаж за 200 лет (1764–1964). История и состав коллекций, работа музея. Л., 1966; Эрмитаж. История и современность. М., 1990; *Спасский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII. М.: Наука, 1970; *Власова Е. В.* Древности Боспора Киммерийского в Новом Эрмитаже // Новый Эрмитаж. 150 лет со дня создания. Материалы юбилейной научной конференции «Новый Эрмитаж». СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 77–82; *Лепехина Е. В.* К истории нумизматического собрания Эрмитажа. 1764–1941 годы // Минцкабинет в Новом Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 2002. С. 5–033; *Саверкина И. И., Саверкина И. В., Пятницкий Ю. А.* Коллекция античных ювелирных изделий дипломата А. И. Нелидова // Studia Humanistica — 1996: Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 137–144; Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2004; *Уткина Л. М.* Накануне открытия Нового Эрмитажа: Отделение древностей в первой половине XIX века // Новый Эрмитаж 150 лет со дня создания. Материалы юбилейной научной конференции «Новый Эрмитаж». СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 72–76; *Ходза Е. Н.* История покупки коллекции П. А. Сабурова. По материалам Архива Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 62. СПб., 2004. С. 166–173.

[2] *Тихонов И. Л.* Археология в Музее Антропологии и Этнографии Академии наук в XIX - начале XX вв.// Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М., 2010. С. 665–677.

[3] *Бранденбург Н. Е.* Путеводитель по С.-Петербургскому Артиллерийскому музею. I. Отдел доисторический. СПб., 1902; *Маковская Л. К.* Николай Ефимович Бранденбург (очерк биографии) // Артиллерийский музей / Отв. ред. В. М. Крылов. СПб., 2001. С. 11–15; *Кирпичников А. Н.* Николай Ефимович Бранденбург — выдающийся оружиевед, историк, археолог // Бранденбурговские чтения. Вып. 1. СПб., 2003. С. 13–15; *Кузнецова М. Д.* Судьба коллекции Н. Е. Бранденбурга // Бранденбурговские чтения. Вып. 1. СПб., 2003. С. 33–36.

[4] *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. СПб., 1900. С. 326-360; *Спицын А. А.* Краткий каталог Музея Русского археологического общества. СПб., 1908.

[5] *Тихонов И. Л. 1*) Археологические коллекции в музеях Петербургского-Ленинградского университета // Актуальные проблемы вузовских музеев в повышении уровня учебной и воспитательной работы. Материалы всесоюзной науч. конф. Петрозаводск, 1990. С. 53–55; 2) К истории формирования археологических коллекций МАЭ, поступивших из Санкт-Петербургского университета // Развитие культуры в каменном веке: Тез. докладов междунар. конф., посвящ. 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., 1997. С. 27–29; 3) Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003; 4) Институт мало соответствующий своему названию (Санкт-Петербургский Археологический институт. 1878–1922 гг.) // Мавродинские чтения: Сб. статей / Под. ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2002. С. 301–307; 5) Санкт-Петербургский Археологический институт (1878–1922) // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»: Т. II: Новая Россия на пути к единству человечества. СПб.–Вышний Волочек: Рериховский центр СПбГУ, 2005. С. 255–264.

[6] *Конькова Г. И.* К вопросу изучения коллекции слепков Музея Академии художеств. Вторая половина XVIII века // Пресновские чтения — II. СПб., 1994. С. 36.

[7] *Андреева Е. М.* Музей «антиков» Императорской Академии художеств. История собрания и его роль в развитии системы художественного образования в России во второй половине XVIII — первой половине XIX веков: Дисс. — канд. искусствоведения. СПб., 2004. С. 42.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

[8] Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914 / Сост. С. Н. Кондаков. I. Часть историческая. [СПб.,1914]. С. 98.

[9] *Преснов Г. М.* Музей Академии художеств. Отдел античной скульптуры. Краткий очерк. Л., 1949. С. 4–5.

[10] Биография К. П. Брюллова // Режим доступа: http://www.smr.ru/centre/win/artists/brullov/biogr_brullov.htm

[11] Указатель скульптурного музея Императорской Академии художеств. Скульптура древних народов / Сост. Г. Трей. СПб., 1870.

[12] *Андреева Е. М.* Музей «антиков» Императорской Академии художеств. С. 62.

[13] *Лисовский В. Г.* Академия художеств. 2-е изд., переработ. и доп. Л., 1982. С. 105.

[14] Минц-кабинет Императорской Академии художеств. Собрание каталогов по Минц-кабинету, с общим к ним сводом. СПб., 1874. [Сост. Д. Прозоровский]. С. 92.

[15] *Лебедев Г. С.* 1) История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. С. 73–80; 2) Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. конф. 11–13 декабря 1990 г. СПб., 1993. С. 2.

[16] Цит. по: *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 154.

[17] Там же. С. 134, 140.

[18] *Тункина И. В.* А. Н. Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. 1. / Отв. ред. И. Л. Тихонов. СПб., 1995. С. 20.

[19] Цит. по: *Тункина И. В.* А. Н. Оленин и древности Южной России... С. 19.

[20] *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин... С. 164.

[21] *Оленин А. Н.* Опыт о костюме и оружии гладиаторов. СПб., 1882.

[22] *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин... С. 283.

[23] *Оленин А. Н.* Археологические письма к Н. И. Гнедичу, СПб., 1872; Археологические труды А. Н. Оленина. Т. I [вып.1]–II, СПб., 1877.

[24] *Мачинский А. В.* Переписка Ж.-Ф. Шампольона с А. Н. Олениным // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 4. С. 72–89.

[25] *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 2006. С. 140.

[26] *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.). СПб., 2002. С. 385.

[27] *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004. С. 21–22.

[28] Императорская Археологическая комиссия (1859–1918 гг.) К 150-летию создания // Из истории отечественной археологии: сборник научных трудов. Вып. 1. Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж, 2008. С. 43.

[29] *Трофимова А. А.* Музеи античного искусства в Петербурге // Санкт-Петербург и античность / Науч. ред. Е. М. Мавлеев. СПб., 1993. С. 64.

[30] *Йене А. Г.* Шлиман и А А. Половцов. Путь троянских древностей в Россию // Троя и ее сокровища: Тезисы междунар. науч. конф. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1996. С. 1.

[31] *Прохоренко Г. Е.* Музей Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица. История создания и формирования коллекции: Дисс... канд. искусствоведения. СПб., 2000. С. 128.

[32] *Богданов И. А.*Долгая дорога в Трою. Генрих Шлиман в Петербурге. СПб., 1995. С. 165.

[33] Цит. по: *Клейн Л. С.* Генрих Шлиман в Петербурге // Троя. Петербург. Шлиман: Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 1998. С. 13.

[34]Цит. по: *Неверов О. Я.* Древности из собрания Генриха Шлимана // Троя. Петербург. Шлиман... С. 68.

[35] *Ханутина З. В.* Неизвестные терракотовые статуэтки из собрания Генриха Шлимана в античном фонде Государственного музея истории религии // Археологические вести. Вып.11. СПб., 2004. С. 373.

[36] *Неверов О. Я.* Генрих Шлиман и его Троянские древности // Наше наследие. 2006. № 79–80. Режим доступа: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7921.php

[37] *Прохоренко Г. Е.* Музей Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица... С. 128.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

[38] *Неверов О. Я.* Древности из собрания Генриха Шлимана... С. 68.

[39] Музей Центрального Училища технического рисования барона Штиглица. Каталог предметов глиняного, фаянсового и майоликового производств / Сост. А. А. Карбоньер. СПб., 1899. С. 1–22; Музей Центрального Училища технического рисования барона Штиглица. Каталог предметов стеклянного производства и живописи на стекле / Сост. А. А. Карбоньер. СПб., 1893. С. 57–62.

[40] *Раппе Т.* Западноевропейское прикладное искусство в музее Училища барона Штиглица // Наше наследие. 2006. № 77. С. 29.

[41] *Прохоренко Г. Е.* Музей Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица... С. 148.

[42] *Трофимова А. А.* Музеи античного искусства в Петербурге // Санкт-Петербург и античность... С. 66.

[43] *Прохоренко Г. Е.* Музей Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица... С. 151, 171.

[44] *Тураев Б. А.* Описание египетских памятников в Русских музеях и собраниях // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. XI. 1899. С. 135–141.

[45] *Трофимова А. А.* Музеи античного искусства в Петербурге // Санкт-Петербург и античность... С. 66.

[46] *Прохоренко Г. Е., Бандорина К. В.* Художественно-промышленный музей Общества поощрения художеств в Петербурге // Сборник материалов Всероссийской юбилейной конференции «Учебный художественный музей и современный художественный процесс». СПб., 1997. С. 195.

[47] Указатель собранию художественных произведений, принадлежащих членам Императорского дома, частным лицам и также составляющим собственность Музеума художественно-промышленных образцов, основанного Обществом поощрения художников. СПб., 1870. С. 6, 11, 38.

[48] Каталог Музея Императорского Общества поощрения художеств. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1901. С. 178–178, 262, 263, 288, 323.

[49] *Вейнер П. П.* Библиографические листки // «Старые годы», их история и критика en connaissance de cause / Вступ. ст., сост., комм. И. А. Золотинкиной. СПб., 2008. С. 110–111.

Е. В. Маркасова

Из истории описания советизмов: лексикография и идеология

Советизмы в собственно лингвистическом смысле — разновидность историзмов. Это слова, появившиеся в советскую эпоху (*селькор, колхоз*), и слова, которые приобрели идеологически обусловленные коннотации, изменив семантику, не будучи изначально неологизмами советского периода (*пионер*)[1].

Описание и изучение советизмов началось сразу после Октябрьской революции[2], необходимо было зафиксировать языковые новшества в словарях. Идея создать «словарь массового типа», «словарь слов, употребляемых теперь и классиками» (В. И. Ленин), «словарь слов, употребляемых в настоящее время лучшими, авторитетными носителями языка,... и включающий в себя новую общеупотребительную лексику»[3] должна была быть применена к изменившейся после революции языковой реальности. Сменилось представление об «авторитетных» источниках и авторах, появилось множество общеупотребительных слов с непредсказуемым будущим и с трудно описываемым настоящим. Появилась новая литература и новые образцы коммуникативного поведения. Д. Н. Ушаков пишет в дневнике: «Тип словаря. Какие новые потребности вызвали его? Появление массового читателя... Новые процессы в самом литературном языке. Цель практическая, а не научная. Словарь для справок... Тип живого литературного языка

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/